

Цинь Хайяо не сводила глаз с Жуань Ихань. В её тёмном, чуть раскосом взгляде стояли слёзы.

Сердце заходило в мучительной дрожи, изнутри сочилась кровь — капля за каплей, омывая прежнюю любовь, старые обиды и застарелую ненависть. И в этот миг плотину прорвало.

«Сяо Хай, когда всё это закончится, давай уедем... Возьмём бабушку, найдём тихое местечко среди гор и рек, и ты... ты станешь моей женой».

«Госпожа Цинь, я могу... я готова снова унижаться перед тобой, как собака».

«Я стёрла её в порошок и развеяла по ветру».

«Я ведь так тебя любила. Захоти ты моей смерти — я бы сама вложила нож в твою руку».

Оказывается, она всё-таки ранила её. Не смогла уберечь.

Жуань Ихань нахмурилась. Когда-то в её глазах сквозила такая нежность, что можно было растаять, но теперь там не осталось ничего, кроме враждебности и глухой решимости.

Шаг за шагом.

Цинь Хайяо медленно пошла к ней. От её тела всё ещё слабо пахло лекарственной мазью и антисептиком — рана на шее так и не затянулась. Последние дни она почти не спала, а после грубого толчка Ихань силы окончательно покинули её, оставив лишь ватную слабость во всём теле.

Но она упрямо шла вперёд, преодолевая немощь.

Ей нужно было знать. Наяву ли всё это?

Это ведь сон, правда? Наверняка сон.

Жуань Ихань глубоко вздохнула и достала из пачки сигарету. Пальцы дрожали так сильно, что колесико зажигалки никак не поддавалось. Дрожь была неистовой, не поддающейся контролю.

Вдруг холодные, как лёд, пальцы Цинь Хайяо накрыли её ладонь. Ихань замерла, уставившись на неё. Хайяо, сохраняя внешнее спокойствие, мягко нажала на клапан зажигалки, и вспыхнул огонёк.

В пляшущем пламени её глаза замерцали, словно потревоженная гладь озера.

Значит, это правда...

А-Хань действительно перед ней.

Живая.

Вот только их любовь давно мертва.

Холодный ментоловый дым обжёг гортань, и эта ледяная свежесть немного утихомирила бурю в груди Жуань Ихань. Она смотрела на Хайяо холодным, отрешённым взглядом. Та медленно протянула руку, намереваясь коснуться её плеча — туда, где когда-то оставляла свои метки.

Ихань позволяла ей это делать снова и снова. Потакала любой слабости.

Но стоило бледным пальцам едва коснуться гладкой кожи, как Ихань резко, безжалостно оттолкнула её руку.

— Не смей ко мне прикасаться.

Голос прозвучал ядовито и угрожающе.

Цинь Хайяо застыла. Её сердце словно заковали в камень, лишив способности биться.

Между ними повисло тяжёлое, удушливое молчание.

Хайяо не двигалась, продолжая жадно, с болезненным упоением всматриваться в родные черты, не в силах отвести взор.

А-Хань...

Она стояла прямо перед ней — изнурённая, осунувшаяся, но всё же живая.

Ихань низко опустила голову, яростно затягиваясь сигаретой. Она не желала смотреть на неё, чувствуя, как грудь сдавливает невыносимая горечь.

Когда-то эта женщина была для неё всем миром, сокровищем, которое она оберегала пуще собственной жизни. Никому не позволяла даже косо взглянуть на неё.

Она была готова умереть ради неё.

А теперь... Теперь она раз за разом наказывает её, но бушующий в душе пожар мести никак не утихает. Любая мелочь, случайный жест мгновенно пробуждали призраков грязного, мучительного прошлого.

Ихань не была жестокой от природы. Напротив, она выросла в тепличных условиях, окружённая заботой и богатством, была мягкой, отзывчивой и порывистой. Но предательство обратило её душу в пепелище, на котором теперь полыхал безжалостный огонь ненависти.

Она молча курила — одну сигарету за другой.

Наконец, так и не подняв взгляда, Ихань затушила окурок в пепельнице и холодно бросила:

— Уходи. Я не хочу тебя видеть.

Она знала, что Хайяо стоит на месте.

Время утекало сквозь пальцы, мерно отсчитывая секунды, и каждая из них оставляла на сердце глубокий рубец.

Жуань Ихань подняла голову и вонзила в неё ледяной взгляд:

— Вон. С первого раза не доходит?

Цинь Хайяо смотрела на неё, чувствуя, как внутри закипает безумное желание броситься вперёд, обнять её — хотя бы на мгновение, в последний раз.

Но Ихань больше не подарит ей ни капли тепла.

Впрочем, справедливо. После всего, через что они прошли — после смертей, предательств, лжи и вечной разлуки... Даже если Хайяо приложит все силы, ей не исправить содеянного. Это её вина.

Это заслуженная кара.

Дверь тихо заскрипела.

Цинь Хайяо медленно вышла в коридор. Шла беззвучно, глядя перед собой остекленевшим взором, будто лишившись души.

Ждавшая снаружи бабушка Жуань тут же встрепенулась. Она тревожно оглядела гостью с ног до головы, словно опасаясь, что внучка снова выкинула какую-нибудь дикость.

Встретившись с ней взглядом, Хайяо не выдержала — слёзы вновь покатались по щекам.

— Доктор Цинь, вы в порядке? — с искренним беспокойством спросила старая госпожа. Что вообще творится с её внучкой?

Хайяо лишь безмолвно смотрела на неё. Всё её тело мелко дрожало, а внутреннее напряжение грозило вот-вот разорвать грудь.

Старая госпожа Жуань, глядя на её бледное, как полотно, лицо, негромко предложила:

— Давайте я распоряжусь, чтобы вас отвезли домой.

Хайяо покачала головой и, собрав остатки воли, тихо выдавила:

— Не нужно, спасибо вам...

«Бабушка... Прости меня, бабушка».

Ночной ветер дышал прохладой.

Когда Цинь Хайяо вышла за ворота, она казалась такой хрупкой, будто первый же порыв ветра мог развеять её без следа.

Снова та же дорога.

И снова она совсем одна.

Медленно шагая в ночной тишине, Хайяо подняла правую руку. На её ладони лежал розовый бумажный журавлик с потемневшими краями. Дрожащими пальцами она бережно развернула его. Внутри размашистым, уверенным почерком было выведено:

«Я люблю тебя, Сяо Хай. Выходи за меня».

Слёзы, которые она так долго сдерживала, хлынули с новой силой.

Прижав ладонь к губам, чтобы заглушить рыдания, Цинь Хайяо беззвучно плакала под порывами холодного ветра. В этот миг её хрупкий мир окончательно рухнул.

Домой Цинь Хайяо вернулась уже около одиннадцати ночи.

Небо над колышущимся городом казалось иссиня-чёрным, точно разлитые чернила.

Хуан Лань и Цинь Шань не находили себе места от тревоги. Когда она открыла дверь, отец как раз накидывал куртку, собираясь идти на поиски.

— Сяо Хай?! Почему так поздно?

Мать подбежала к ней, испуганно заглядывая в лицо.

Несмотря на долгую прогулку на холодном воздухе, глаза Хайяо оставались опухшими и красными от слёз. Она посмотрела на мать, затем на встревоженного отца и натянула слабую, вымученную улыбку:

— Всё хорошо, мам, пап. Ложитесь спать.

Наполнив ванну до краёв, Цинь Хайяо опустилась в воду с головой.

Горячая вода сомкнулась над ней, скрывая от мира.

Секунда, две, три...

Она раз за разом заставляла себя чувствовать удушье, погружаясь в спасительную темноту.

Казалось, только физическая боль способна притупить ту, что разрывала её душу.

Обрывки воспоминаний безжалостно вихрились в голове, подталкивая её к самому краю бездны.

«Я ведь так тебя любила».

«Захоти ты моей смерти — я бы сама вложила нож в твою руку. Но ты... ты ведь причинила боль бабушке».

Родители так и не смогли уснуть. Они сидели в гостиной, чутко прислушиваясь к каждому звуку из ванной комнаты, изнывая от дурных предчувствий.

Через полчаса Хайяо наконец вышла. На ней была простая пижама, влажные волосы рассыпались по плечам. Глаза всё ещё оставались припухшими, но взгляд стал заметно

спокойнее.

Хуан Лань приготовила для неё тёплую рисовую кашу:

— Сяо Хай, съешь хоть немного, согрейся. На тебе лица нет.

Цинь Шань молча протёр кофейный столик и поставил перед ней тарелки с её любимыми закусками.

Глядя на родителей, Хайяо медленно опустилась на диван и сделала глоток.

Густая, ароматная каша мягко обожгла горло и теплом разлилась по желудку, возвращая жизнь онемевшему телу. Немного помолчав, Хайяо подняла глаза на родителей:

— Папа, мама. Горло Момо нужно лечить. Мы не имеем права сдаваться.

— Но... — попыталась возразить Хуан Лань, но дочь мягко, но непреклонно прервала её. В её голосе прозвучали непривычные, холодные нотки, не терпящие возражений:

— Слушайте меня.

Её тон удивительным образом подействовал на родителей — они невольно притихли, покорённые внезапной твёрдостью дочери.

— Ложитесь спать, не нужно губить здоровье, — уже мягче добавила Хайяо, возвращаясь к своему привычному тону. — Скоро у Момо начнутся летние каникулы. Возьмите её и поезжайте за границу на пару недель. Она ведь так давно мечтала попутешествовать.

Цинь Шань вздохнул, легонько обмахивая дочь веером:

— Да откуда у нас время? И вообще... это ведь огромные деньги.

Хайяо на секунду запнулась.

— О деньгах я позабочусь. Момо скоро исполнится восемнадцать, ей пора повидать мир.

Родители переглянулись. Оба чувствовали, что с дочерью творится что-то неладное, но никто не решался спросить напрямую.

За окном уныло светила блёклая луна.

Лёжа в своей постели и глядя на серебристый свет, Цинь Хайяо тихо прошептала:

— Нет... Я не могу тебя потерять.

В ярко освещённом особняке Жуань старая госпожа устроила внучке суровый выговор.

— Я не знаю, какая кошка пробежала между тобой и доктором Цинь, но приличия соблюдать необходимо! А главное — в нашей семье никогда не позволяли себе распускать руки, тем более с женщинами.

Жуань Ихань молча сидела на диване, безучастно глядя перед собой и думая о чём-то своём.

— Я наводила справки, — продолжала бабушка. — Семья у доктора Цинь скромная, но репутация безупречная. Как она умудрилась тебе насолить?

«Безупречная репутация?»

Ихань горько усмехнулась и повернулась к старушке:

— Бабушка, ты уже стара, тебе пора отдыхать на пенсии. Не забивай себе голову всякой ерундой.

— Ах ты, паршивка! Поглядите, как она заговорила! — не на шутку рассердилась старая госпожа Жуань. — Я просто хочу знать правду! Я твой единственный близкий человек, неужели нельзя поделиться со мной? А-Хань, я перестаю тебя понимать.

«Я и сама себя не понимаю».

Бабушка так разнервничалась, что полночи не могла сомкнуть глаз.

На следующее утро тётушка Цинь принесла свежие овощные паровые булочки — любимое лакомство старой госпожи, которое она заказала специально для неё.

— Что случилось, старая госпожа? Снова повздорили с А-Хань? — спросила Цинь Цинь, заметив тёмные круги под глазами хозяйки дома.

Старая госпожа лишь отмахнулась:

— И не говори. Наверное, из-за того происшествия с подругой она совсем не в себе. В последнее время стала такой вспыльчивой...

«И даже пустила в ход силу».

Для Цинь Цинь это не стало неожиданностью. В этот момент из своей комнаты вышла Жуань Ихань. Умытая, посвежевшая, она лениво потянулась:

— Садитесь завтракать.

Ихань небрежно опустилась на стул, закинув ногу на ногу:

— Тётушка, я сегодня возьму отгул. Хочу съездить на день на Курорт Хуайжоу.

«Опять отгул?»

Будь это в любое другое время, бабушка Жуань устроила бы разнос. Но, вспомнив вчерашний безумный, налитый кровью взгляд внучки, она промолчала.

Старость берёт своё — порой кажется, что собственная внучка внушает ей страх.

Цинь Цинь перевела взгляд со старушки на Ихань:

— Слышала, вчера у вас с доктором Цинь вышел разлад?

«Слышала?»

Ихань мысленно усмехнулась, но вслух безразлично бросила:

— Да бросьте, тётушка. Что было, то прошло. Давайте закроем тему, а то бабушка опять начнёт ворчать.

«Неужели это просто любовные игры молодых?» — подумала Цинь Цинь, мало что в этом понимая, и согласно кивнула:

— Ладно, возвращайся пораньше и будь осторожна на дороге.

Однако уже в середине дня, когда Цинь Цинь мирно пила чай со старой госпожой, в дом без предупреждения вошла А-Ли во главе группы рабочих. Не тратя времени на приветствия, люди принялись расхаживать по комнатам: что-то измеряли, чертили на планшетах,

переговаривались.

Бабушка Жуань недоумённо поставила чашку на стол:

— А-Ли, что здесь происходит?

Неужели внучка опять затеяла какую-то блажь?

Цинь Цинь мгновенно поднялась с места, её взгляд стал настороженным:

— Что вы делаете?!

Её голос прозвучал излишне резко и натянуто. Старая госпожа удивлённо посмотрела на неё — с чего бы вдруг такая бурная реакция? Для Ихань подобные капризы были обычным делом, она частенько перестраивала дом по своему хотению.

Будучи женщиной, прошедшей в молодости через суровые испытания, бабушка Жуань мгновенно уловила эту странную перемену в поведении Цинь Цинь.

Заметив её взгляд, Цинь Цинь поспешно улыбнулась, пытаясь сгладить оплошность:

— Да я просто подумала... у нас ведь тут каждая вещь — бесценный антиквариат. Мало ли, разобьют что-нибудь, если пустить их без присмотра.

А-Ли вежливо поклонилась:

— Старая госпожа, госпожа Цинь. Молодая хозяйка распорядилась начать перепланировку. Говорит, в офисе сейчас слишком много пересудов, поэтому она решила обустроить рабочий кабинет прямо здесь, оформив дом в средиземноморском стиле.

— В каком ещё стиле?! — возмутилась бабушка Жуань. — Совсем от рук отбилась! И даже не посоветовалась со мной!

Рабочие продолжали обследовать стены и углы с рулетками в руках. Они подчинялись исключительно приказам молодой госпожи Жуань.

Бригадир с карандашом за ухом внимательно осматривал очередной угол. Цинь Цинь не сводила с него глаз, чувствуя, как бешено колотится сердце. Наконец, когда рабочий издал удивлённый возглас, она обречённо прикрыла глаза.

В это время Жуань Ихань вовсю развлекалась с друзьями на загородной вечеринке, пока её

телефон не разразился яростным звонком от бабушки. Громкость была такой, что едва не лопнула барабанная перепонка. Пришлось срочно ехать обратно.

По дороге А-Ли торопливо ввела её в курс дела:

— Старая госпожа в ярости! В доме обнаружили скрытые камеры и прослушивающие устройства!

Ихань притворилась изумлённой:

— Что? Откуда они там взялись?

А-Ли вытерла холодный пот со лба:

— Вы ведь отправили нас делать замеры для ремонта. Вот рабочие случайно их и нашли.

— И кто же это сделал? Уже выяснили? — спросила Ихань. Её тон казался встревоженным, хотя в душе она торжествовала.

А-Ли покачала головой:

— Пока нет. Старая госпожа вне себя. Я никогда не видела её в таком гневе.

Ещё бы ей не гневаться. Найти жучки в собственном гнезде!

Бабушка Жуань сидела на диване с каменным лицом, сердито стуча тростью по полу:

— Вывернуть всё наизнанку, но найти гада!

Рядом с ней стояли несколько крепких мужчин в строгих чёрных костюмах. Им было под пятьдесят, и выглядели они весьма внушительно.

Вошедшая Ихань весело воскликнула:

— Ого! Дядя Сэнь? Дядя Сун? А вы какими судьбами? Решили оставить свои парковые прогулки с птицами?

Это были верные соратники её покойных родителей, которых она считала давно отошедшими от дел.

Сегодня Ихань выглядела вызывающе свободно: рубашка, завязанная узлом на талии, открывающая живот, потёртые джинсы, распущенные волосы и яркая помада.

Увидев внучку в таком виде, бабушка Жуань разозлилась ещё больше:

— В доме шпионы орудуют, а ты вырядилась чёрт знает как! Короткий топ, волосы дыбом — приличные девушки так не ходят!

Ихань лишь небрежно швырнула свою дизайнерскую сумочку на диван:

— Ну, в спальнях и ванных жучков ведь не нашли? Чего паниковать? — Она повертела в руках крошечный объектив камеры и громко крикнула прямо в него: — Эй, убогий! Кто бы ты ни был, берегись! Моя бабушка тебя со свету сживёт и прах по ветру развеет!

Бабушка Жуань только за голову схватилась.

Присутствующие поспешили удержать пожилую даму, чтобы та в сердцах не перетянула внучку тростью. Ихань же, довольно улыбаясь, уплетала черешню из вазы, словно наблюдая за весёлым представлением.

Она знала: пока живы бабушка и тётушка Цинь, никакие невзгоды ей не грозят.

По крайней мере, так было в её прошлой жизни.

Но сейчас паниковать должна была вовсе не она.

Спустя несколько минут старая госпожа немного успокоилась.

— Тут явно замешан кто-то из своих, — ледяным тоном произнесла она. — Ищите зацепки. Перетряхните каждого.

Выйдя из особняка Жуань, Цинь Цинь села в машину и выкурила две сигареты подряд, чтобы унять дрожь в руках. Произошедшее могло обернуться катастрофой, хотя она и умела выходить сухой из воды. Беда была в другом — старая госпожа явно начала что-то подозревать.

Дуаньцзы молча сидел за рулём, не смея нарушить тишину без приказа.

Наконец Цинь Цинь глухо спросила:

— А-Хань в последнее время действительно только развлекается с друзьями?

Дуаньцзы кивнул. Он регулярно докладывал ей о каждом шаге наследницы:

— Да, всё как обычно — гуляет с золотой молодёжью, транжирит деньги. Недавно пыталась устроить к себе секретарём Цзян Цинъюэ, дочь разорившегося бизнесмена, но та ей отказала. Ещё А-Ли по её просьбе нашёл какого-то деревенского родственника, парня неотёсанного, хотела взять его в телохранители. Насмотрелась, видимо, сериалов.

Для Дуаньцзы всё это казалось ребячеством и глупостью.

Но Цинь Цинь думала иначе. Она нахмурилась:

— На всякий случай перекрой ей кислород. Обоих кандидатов убрать.

Дуаньцзы удивился такой излишней осторожности, но спорить не стал:

— Понял.

— И людей, которых мы планировали внедрить в «Лунсян», пока придержи, — добавила Цинь Цинь. — Пока старуха не успокоится, никаких резких движений.

— Будет сделано.

За окном автомобиля мелькали холодные огни ночного города.

Жуань Ихань сидела в своей комнате, выслушивая доклад А-Ли:

— С Цзян Цинъюэ ничего не выйдет. Сегодня днём её отец внезапно получил выгодное предложение о сотрудничестве от группы «Лунсян». Для их тонущего бизнеса это спасательный круг, поэтому отец запер её дома и запретил даже думать о другой работе...

Ихань молча поджала губы.

О связи между главой «Лунсян» и Цинь Цинь она узнала лишь перед самой смертью, когда летела с обрыва.

А-Ли продолжила:

— И ещё... Брат Дуань намекнул, что после истории с жучками брать посторонних людей в дом опасно. Сюй Цзяню отказали, его кандидатуру больше не рассматривают.

Ихань прикрыла глаза и медленно выдохнула:

— Я поняла. Иди.

Она действовала предельно осторожно, маскируя свои шаги под нелепые случайности. Но даже этого хватило, чтобы Цинь Цинь насторожилась.

Она говорила Цинь Хайяо, что игра только начинается.

Но эта игра оказалась смертельно опасной и для неё самой.

Цинь Цинь была грозным и безжалостным противником. Ихань знала это, но сейчас у неё ещё не было надёжного щита. Все её едва намеченные планы рушились один за другим, не успев пустить корни.

Напряжение последних дней, бесконечные кошмары и осознание собственной уязвимости сделали своё дело.

К вечеру у Жуань Ихань поднялся сильнейший жар. Она не могла даже подняться с постели. Бабушка сидела рядом, прикладывая ладонь к её пылающему лбу, и едва сдерживала слёзы.

Вызванный доктор Чу успокаивающе улыбнулся:

— Не волнуйтесь, старая госпожа. Обычная простуда на фоне переутомления. Пару дней покоя, и всё пройдет.

Старушка ничего не ответила, лишь нежно гладила внучку по щеке, вглядываясь в её осунувшееся лицо. Даже во сне брови Ихань оставались напряжённо сдвинутыми.

«Что же с тобой происходит, А-Хань? Что тебя гложет?»

Ихань металась в беспамятстве.

В её пылающем мозгу картины прошлого и настоящего сталкивались в безумном хороводе, рождая пугающие видения, которых раньше никогда не было.

Она видела Цинь Хайяо. Та была вся в крови, но упрямо закрывала её собой, крепко прижимая к груди. В их глаза смотрела смерть. Позади них колыхались зловещие тени, лиц которых было

не разглядеть. На запястьях самой Ихань защёлкнулись холодные стальные наручники.

Боль, пронзившая грудь, была почти осязаемой.

Ихань забилась на кровати, хрипло шепча:

— Нет... не надо... не оставляй меня одну... пожалуйста... не уходи...

Цинь Хайяо пришла рано утром. Она уговорила уставшую старую госпожу пойти отдохнуть, а сама осталась дежурить у постели больной.

Чтобы хоть немного облегчить её страдания, она без устали меняла прохладные компрессы на её лбу.

Ихань спала тревожно — плакала, стонала и вздрагивала от каждого шороха.

Хайяо сжимала губы, глядя на её мучения. Ей безумно хотелось сжать её руку, обнять и прижать к себе, но, вспомнив недавний полный ненависти взгляд Ихань, она так и не посмела этого сделать.

— Нет! — с хриплым криком Ихань резко выпрямилась на постели.

Она тяжело дышала, всё её тело было покрыто испариной. Влажное полотенце соскользнуло с её лба на одеяло. Прикосновение прохладной ткани помогло ей прийти в себя и осознать, где она находится.

Рядом у кровати стояла Цинь Хайяо. Её длинные ресницы дрожали, а в глазах застыли непролитые слёзы.

Ихань глубоко вздохнула и оглядела комнату, постепенно успокаиваясь.

Затем её взгляд упёрся в незваную гостью, и голос вновь зазвучал ледяной сталью:

— Ты что здесь делаешь?

В одно мгновение хрупкая, беззащитная девушка превратилась в сурового и властного лидера.

Цинь Хайяо прямо посмотрела ей в глаза и тихо произнесла:

— Госпожа Жуань. Я пришла дать ответ.

«Ответ?»

«Хочешь стать моей игрушкой? Даю тебе три дня. Либо соглашайся, либо проваливай из моей жизни».

Сегодня был четвёртый день.

Ихань цинично усмехнулась. Её глаза сузились. Неужели она пришла, чтобы заявить о своём отказе? Ну что ж, даже если так, у неё найдутся способы заставить её пожалеть об этом.

Цинь Хайяо продолжала смотреть на неё. Вдыхая знакомый, успокаивающий аромат мяты, исходивший от Ихань, она медленно и отчётливо произнесла:

— Я согласна.

Жуань Ихань резко вскинула голову, впиваясь в неё неверующим взглядом.

А Хайяо повторила, чеканя каждое слово:

— Я согласна... согласна быть твоей игрушкой, госпожа Жуань.

<http://bllate.org/book/20651/2132246>